

УДК 811.113.6

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В XIV–XVIII ВЕКАХ

И.В. Матыцина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Описывается становление и развитие шведского языка официально-делового общения в XIV–XVIII вв. в период постепенного ослабления его зависимости от иностранных образцов, что является результатом целенаправленной работы учёных и писателей по созданию литературного языка.

Ключевые слова: канцелярский язык, язык законов, заимствования, нормализаторская деятельность, борьба за чистоту языка.

Современный шведский язык делового общения отличается относительной простотой синтаксических структур и прозрачностью логических связей. Это результат целенаправленной работы многих людей и организаций, отвечающих за чистоту литературного языка (Klarspråksarbete). Однако подобная ситуация сложилась относительно недавно, не более полувека назад. В древности язык документов и законов в Швеции отличался витиеватостью стиля и сложным запутанным синтаксисом, при этом канцелярский язык и язык законов представляли собой две самостоятельные разновидности языка официально-делового общения, в основе которых лежали различные традиции: канцелярский язык (kanslispråk) находился под сильным влиянием латыни и немецкого языка, а язык законов (lagspråk) наряду с латинской риторикой опирался на собственно скандинавскую устную традицию законоговора. В процессе исторического развития эти два языка постепенно теряли специфические черты и сближались, превращаясь в язык официально-делового общения – разновидность языка нехудожественной прозы (sakprosa, bruksprosa) [2: 186]. В XIV–XVIII вв. происходит становление и развитие шведского языка официально-делового общения. Зависимость от иностранных образцов, характерная для начала этого периода, начиная с конца XVI века постепенно ослабевает, благодаря целенаправленной работе учёных по созданию литературного языка с нормализованной орфографией и грамматикой, богатым и гибким лексическим составом.

Отношения между латынью и национальным языком в средневековой Швеции были противоречивыми и сложными. С одной стороны, письменный шведский язык во многом формировался на основе и под влиянием латыни. С другой стороны, этот процесс происходил на той классической стадии существования языка (1225–1375), когда его структура и словарный запас ещё были по большей части исконными. Всё это определило достаточную степень свободы и самостоятельности шведского языка по отношению к латинским образцам, что на раннем этапе древнешведского языка проявляется во всех жанрах, за исключением грамот [5: 28]. Позднее, в период Кальмарской унии (1397–1523), благодаря активной переводческой деятельности Вадстенского монастыря, влияние латыни на формальную структуру письменного шведского языка усиливается. Поздний древнешведский (1375–1526) отличается от классического древнешведского более тяжёлыми, сложными, менее аутентичными конструкциями. К тому же в нём очень сильно влияние

нижненемецкого, значение которого в этот период столь велико, что почти ставит под угрозу существование шведского как самостоятельного скандинавского языка. Однако внешнее давление пошло шведскому языку на пользу. Жёсткие рамки латыни стимулировали унификацию грамматики и орфографии, способствовали тому, чтобы, достигнув стабильности и окрепнув, письменный язык смог шагнуть на следующую ступень, и, освободившись от внешних пут, развил новую богатую систему жанров, освоил многочисленные заимствования из нижненемецкого, значительно обогатил свой словарный состав [цит. раб.: 29].

Влияние немецкого языка на шведский началось в эпоху первых миссионеров и постепенно усиливалось по мере укрепления торговых контактов между Швецией и немецкими городами, особенно Любеком, основанным в 1143 году. На первых порах немецкие купцы и ремесленники селились в прибрежных шведских городах – Стокгольме, Кальмаре, Лёдесе и Сёдерчёпинге, понемногу продвигаясь вглубь страны. Во время правления Магнуса Ладулоса (он же Магнус Амбарный Замок) в 1290 г. в Бергслеген были приглашены немецкие мастера для обучения шведов передовым методам добычи и плавки железной и медной руды. К XIV веку процесс взаимодействия немецкого и шведского языков всё больше набирает обороты, что становится особенно заметно в период расцвета Ганзейского союза.

Среди немецких слов, которые используются в древнешведских законах, записанных до 1375 года, встречаются слова самых разных категорий. И поскольку законы – жанр консервативный, это означает, что в XIII и XIV вв. немецкие заимствования широко употреблялись в речи [2: 61].

Пик немецкого влияния в политике, экономике и культуре Швеции приходится на период правления Альбрехта Мекленбургского (1364–1389). Весьма показательна в этом смысле выдержка из Городского уложения короля Магнуса Эрикссона, относящегося к середине XIV века, где говорится, что немцев среди членов городского магистрата должно быть не более половины. После битвы при Брюнкеберге в 1471 году иностранцам вообще запретили быть ратманами. Но хотя с падением Альбрехта влияние немцев в стране сильно ослабело, они по-прежнему играли важную роль в промышленности и культуре, и вплоть до начала XVI века средненижненемецкий язык продолжал оставлять заметные следы в истории развития шведского языка.

Контакты с немецким обогатили шведский язык именованиями различных ментальных процессов и абстрактных явлений, например: *behov* ('потребность'), *mätta* ('мера'), *nåd* (и близкое ему по значению устар. *gottåt*) ('милость'), глаголами *befalla* ('повелевать'), *bliva* ('становиться'), *förmå* ('мочь, быть в состоянии'), *mena* ('считать'), *tänka* ('думать'), *vederfaras* ('оказывать'), прилагательными *betrodd* ('доверенный'), *förfärad* ('испуганный'), наречиями *högeligen* ('крайне'), *strängeligen* ('строжайше'), *äntligen* ('наконец'), а также модальными частицами *ju* ('ведь'), союзами *men* ('но') и *dock* ('однако') и др. [3: 47]. Особенно значительным было влияние нижненемецкого на язык административных документов: *meen* (снн *men*) *haffuer han giorth nogan skada, tha skal han wara offuerbögdog* (снн *överbödich*) *ath bätra ther fore* – 'если кто причинит другому вред, то должен возместить его с лихвой' (из протокола судебного заседания, 1482 г.) [цит. раб.: 46].

Особую группу слов составляют лексемы, относящиеся к государственной власти и обществу: *krona* ('королевская власть', снн *krone*), *hærtugh(i)* ('герцог', снн *hertoge*, *hertoch*), *marskalker/marsker* ('королевский главный конюший' снн *marschalk*), *hof* ('двор' снн *hof*) и др. Само слово *stadh* (*stædher*) в значении 'городское сообщество' тоже средненижнемецкого происхождения. Оно вытеснило из обращения слово *by*, сохранившееся в датском и норвежском языке. Среди слов, имеющих отношение к городскому самоуправлению, можно назвать такие слова, как *foghati* ('фогт – судья и управляющий', снн *voget*, средневек. лат. *vocatus*), *raþman* ('член городского магистрата' снн *râtman*), *borghamæstari* ('бургомистр' снн *borgemêster*), *skrivari* ('писец' *schrîver*) и др. [2: 62]. В Городском уложении упоминаются также названия профессий *skomakare* ('сапожник' снн *schômaker*), *skrædare* ('портной' снн *scrêdere*), *skinnari* ('скорняк' снн *schinner*). Так же, как в немецком, в древнешведском слова *æmbete* (снн *ambacht*, совр. *åmbete* 'должность, служба') и *æmbetsman* (снн *ambachtsman*, совр. *åmbetsman* 'должностное лицо, чиновник') имели значение 'ремесло' и 'ремесленник'.

В области права можно встретить такие слова, как *makt* ('власть' снн *macht*), *akt* ('внимание' *acht*), *vakta* ('обратить внимание на' снн *wachten*), *plikt* ('долг' снн *pligt*), *æra* ('честь' снн *êre*), *ærliker* ('честный' снн *êrlik*), *fegþ* ('вражда' снн *veide*), *leydha bref* ('проездное свидетельство', снн *leidebrêf*), *qvitter* ('свободный' снн *quîte*, средневек. лат. *quittus*) [цит. раб: 63].

Среди памятников XV–XVI вв. очень много переводных сочинений: парафразы книг на религиозные темы, переработки рыцарских романов и т.д. Есть и написанные по-шведски документы (грамоты и акты, среди которых послания королей, дарственные, завещания и другие правовые документы, которые дают представление о канцелярите того времени. Интересный материал для исследователей канцелярского языка дают протоколы судебных заседаний (например, протоколы Кальмарского городского суда конца XV – начала XVI века), где много формулировок, говорящих о зависимости канцелярского языка того времени от латинских, немецких и датских образцов.

Период шведского великодержавия (1611–1718 гг.) был отмечен стремлением правящих кругов Швеции добиться того, чтобы Швеция не только в военном, но и в культурном отношении встала в один ряд с ведущими европейскими странами. Необходимой предпосылкой этого было создание языка с нормализованной орфографией и грамматикой, богатым и гибким лексическим составом. Первым шагом к намеченной цели стали переводы Библии и деятельность реформаторов в XVI веке.

Så är ock gott att Predicarenar wänia sigh til at tala retta Swensko, och bruka the ord som alment kunnog äro, Ty ther man fremmande ord bruka wil, såsom monge göra pläga, förbijstrar man the eenfalligha, som sigh på sådana ord intet förstå kunna,...
«Следует пастырям привыкнуть говорить на чистом шведском языке и употреблять те слова, кои большинству известны, ибо тот, кто хочет употреблять чужеродные слова, как многие имеют обыкновение делать, сбивает с толку простых людей, которые таких слов не понимают...» (Из послания короля Юхана III, 1584 г.) [цит. раб: 124].

Однако вплоть до XVII века влияние латыни и французского языка на язык правящей и культурной элиты общества было очень сильно, латынь

продолжала оставаться языком науки и дипломатии и проникала во все жанры письменного языка. Образцом для подражания считался латинский период, пространное предложение, включающее в себя причастные конструкции и вставные придаточные разной степени. Отдельные формы причастий встречались ещё в языке областных законов, особенно, в более поздних рукописях: *Nu ær til konunghs rikit i suearichi konunger væliænde ok æi æruande* (Södermanlagen, SdmL) и нередко имели пассивное значение (*...король **выбираемый** и **наследуемый**), будучи своего рода соответствием латинскому герундиву, в период реформации конструкции с причастием начинают использоваться очень широко [цит. раб. 59]. Вставные придаточные предложения также надолго становятся своего рода отличительной чертой канцелярского стиля:

Skulle nu befinnas at den klagande är så illwillig, at han antingen förtijger... eller ock annorlunda berättar ... inmängandes obewijslige Beskyllningar, Den samma/sedan Saken ... är rätt och skälig befunnen/skall ...straxt blifwa anklagat (Stadgar ang. Kongl. Executionverket, 1691) [цит. раб. 122]. «А станется таковое, что жалобщик столь злонамерен, что либо скрывает,... либо неистинно говорит ...примешивая ложные обвинения, будет он, когда дело истинно и по праву разобрано будет, ... немедленно обвинен» (Из Устава Королевской службы исполнения наказаний, 1691 г).

Известно послание Карла XI к Верховному суду Гёталанда, в котором король призывает юристов не злоупотреблять латинскими терминами и писать ясно и понятно, не вставляя иностранные слова и обороты (*klare och tydelige ord, utan till at inmängia något främmande språk eller ordasätt...*). В Уставе Канцелярии от 1661 года дается развернутая инструкция, касающаяся использования латыни и шведского языка в дипломатической переписке и, в частности, говорится:

Om Keijsaren eller andre Potentater, Princer och Stater, skrifwa till Kongl. M:t på sitt modersmåhl, schall på Kongl. M:tz sijda (vndantagande Konungen af Frankrike) them swaras på Swensche tungemåhlet igen. «Если Император или другие Властители, Принцы и Главы государств, напишут Его Величеству на своем родном языке, следует Его Величеству, в свою очередь, (исключая только короля Франции) отвечать им на шведском языке».

В подписанном Карлом XII в 1713 году Уставе Канцелярии также был параграф, касающийся употребления иностранных слов:

Kongl: Maj:tt will och at dess Cantzelij ut i alla de Bref och Skrifter, som därifrån utgå, befljtar sig om en ren och tydelig Swenska, samt så mycket som möjligit är undflyr fremmande ord [цит. раб. 125]. «Его Величество желает, чтобы Канцелярия во всех письмах и документах, исходящих от нее, придерживалась чистого и ясного шведского языка и, насколько возможно, избегала [употребления] иностранных слов».

Этот призыв почти дословно был повторен в Уставах 1719, 1720, 1773 и 1809 гг. Старания нормализаторов языка в XVII и начале XVIII вв. привели к усилению единообразия в шведской орфографии, что было очень важно в период роста тиражей и распространения печатных изданий. Тяжелый каролинский стиль изложения постепенно уходит в прошлое, становится более легким. Важным памятником этой эпохи является «Закон Шведского

государства» (Sweriges Rikes Lag) 1734 года. Консервативность стиля присуща законам по определению, недаром, в шведском языке слово *lag* родственно глаголу *lägga* 'класть' (ср. в немецком *Gesetz* родственно глаголу *setzen* 'помещать', русское слово *закон* по происхождению связано со словом *кон* – 'начало, ряд, порядок' и с другой ступенью чередования – с глаголом *начать* [1]), т.е. этимология слова *закон* предполагает нечто стабильное, установленное, определённое. Положения законов облакаются в форму, которая став «узаконенной» может без изменения существовать веками. «Закон Шведского государства» демонстрирует сочетание консервативных и новых черт. Консервативность проявляется во всём, что касается выбора отдельных лексем, конструкций, порядка слов во фразе и связи предложений между собой. Зато орфография закона демонстрирует поразительную мобильность и отражает динамику развития языка в большей степени, чем другие жанры.

Например, в морфологии и синтаксисе памятника сохраняется целый ряд архаических особенностей: падежные формы существительных сильного склонения: *med swornom ede* (Д.п.), *med twägga manna* (Р.п.) *witne*, различие субъектной и объектной формы существительных слабого склонения: *qwinno* (объект) и *qwinna* (субъект). Две формы постпозитивного определённого артикля: к существительным мужского рода во множественном числе в позиции субъекта присоединяется определённый артикль *-ne*, в остальных случаях *-na*: *then tage arfwingarne* ('тогда берут наследники' - субъект), *betale til arfwingarna* ('платит наследникам' - объект). Есть примеры согласования прилагательных в роде, числе и падеже с существительными: *rätter arfwinge* ('подлинный наследник'), *inom föresattan tid* ('в определенное время'). Притяжательные местоимения *sin*, *hans*, *thes*, *theras* обычно стоят в постпозиции к существительному (*styrcke thet strax med ed sin* – 'подтвердит это клятвой своей'). Такой порядок слов был характерен для древнешведских законов, ср. *Han skal eigh ræt lægh a landi varu brytæ* (совр. шв. [att] *han icke skall bryta rätt lag i vårt landskap* – 'он не нарушит действующий закон **нашей провинции**'). Эта черта является очень древней и отмечается еще в надписи на Рёкском камне (Rökstenen): *á gota sínum (på gotiska hästen sin* – 'на своем готском коне') [2: 21]. В законе используются только полные глагольные формы *blifwa*, *blifwer*, *hafwa*, *hafwer*, также встречаются формы множественного числа настоящего времени презенса конъюнктива: *hafwen*, *plichten*, *tagen arf* [цит. раб. 144].

Одним из самых частотных типов предложений в Законе 1734 года является бессоюзное условное придаточное, занимающее инициальную позицию в предложении: *Hafwer han ej arfwingar inrikes, tage tå Konungen alt gods hans* – '[Если] не имеет он в стране наследников, король забирает всё его имущество'. Наряду с конъюнктивом (*tage*) в главном предложении в таком случае может использоваться описательная конструкция *skal* + инфинитив: *Wil man hionalag bygga, tå skal han mö af hennes giftoman begiära* '[Если] хочет кто вступить в брак, **должен просить** руки невесты у её опекуна'. Запрет, как правило, выражается при помощи конструкции с отрицанием *ej*: *Ej må någor til giftermål twingas*. – 'Нельзя никого принуждать к браку'. Личный глагол обычно занимает в придаточном конечную позицию: *Brott ... rannsakes och*

dömes, ther gierningen giord är.- '*Преступление расследуется и судится там, где оно совершено было' [цит. раб.: 145].

В тексте Закона также встречается довольно много архаичной лексики, типичной для такого рода текстов: *witnesbär* (совр. *vittnesgill*, 'неопровержимый'), *omboa* (совр. *gerarega, sätta i stånd* 'исправлять'), *ther så omtränger* (совр. *behövs* 'если это необходимо'), *som them bådome åsämjer* (совр. *som bägge är eniga om* 'как они договорятся'), *gitta* (совр. *förmå* 'мочь, быть в состоянии'), *warda* (совр. *bli* 'становиться'). [цит. раб.: 145] Что же касается орфографии, то здесь также отмечаются некоторые архаичные черты, присущие, в частности, Библии Карла XII (1703): диграфы в написании слов *then, thet, thes, thy, thetas* и др. [цит. раб.: 143], буква *w*, заимствованная из немецкого готического шрифта – фразатуры, которая применялась в печати наряду с округлой антиквой. В официальных документах отказ от фразатуры произошел в 1876 году, и тогда же *w* в словах было заменено на *v*. Одновременно было сильно ограничено употребление заглавных букв в существительных (если раньше писали *Stockholms Slott*, то теперь нормой стало *Stockholms slott*) и, кроме того, со строчной буквы начали писать названия месяцев [цит. раб.: 160].

Среди орфографических инноваций можно назвать написание глаголов *ligga, tigga, tänka, bygga* [там же] (для сравнения в близком по времени издании журнала «Шведский Аргус» (*Then Swänska Argus*) (1732–1734) используется более архаичный вариант *liggia, läggia, sittia, sättia, sökia, tänkia* (ср. усл. *liggja, leggja, setja, søkja, Pekkja*), причём эта старая, не отражающая изменения в произношении, форма была настолько живуча, что ещё в 1745 филолог и историк Юхан Ире (*Johan Ihre*, 1707–1780) продолжает бороться против такого написания) [цит. раб.: 106]. Новым было также отсутствие диграфов *dh gh - dag, lag, sig* и удвоенных гласных для обозначения долгих звуков (хотя в так называемой Библии Карла XII 1703 года, на которую при создании документов ориентировалась Королевская канцелярия, это написание ещё присутствует) [цит. раб.: 95]. Для обозначения долготы гласного в тексте Закона 1734 года нередко используется *h* (*wahror, mehn, åhr*).

В целом, можно сказать, что огромная работа, предшествовавшая написанию этого Закона (ещё в 1686 году была создана специальная комиссия, перед которой поставили задачу ревизовать Государственный Закон 1608 года, практически полностью повторявший Закон 1442 года), дала свои результаты, и редакция 1734 года разительно отличается от более архаичных по стилю от документов, выходивших в тот же период из стен Королевской канцелярии.

Сравним два отрывка: из Закона Шведского государства 1734 года и из резолюции короля Фредрика по поводу принятия закона 1736 года. Первое предложение в резолюции выглядит следующим образом:

Wi Friedrich etc. Giöre witterligit, at ehuruwål Wäre Högloflige Företrädare, Sweriges Konungar carl then IX och Gustaf Adolph, wid then härtills brukeliga Lands och Stadslagens utgifwande åhren 1608 och 1618, strax hafwa förklaradt sig wara sinnade, at låta then samma behörigen öfwerse och efter nödtorften förbättra: hwarom jemwål Riksens Samtelige Ständer esomoftast påmint, och således thetas högeliga önskan och åstundan therwid å daga lagdt: hwarföre ock Konung Carl then XI, Wår Högtärade Herr Swärfader, nödigt funnit, at utse och förordna wissa lärda och förståndiga män, som

skulle sätta Lagen på tydelig och brukelig Swänska, therwid utesluta hwad icke mera war i bruk, eller genom antagen god sedwana blifvit förändradt, och i stället införa, hwad genom laga Stadgar och Riksdags Besluter kunnat blifva påbudt: Doch har ett så hälsosamt och angelägit arbete för mångahanda emellankomna hinder, swårigheter, krig, och förändringar, icke kunnat til ändskap bringas, förr än the til Lagens öfwerseende sidst förordnade wittre och lagfarne Män, med berömmelig flit och sorgfällighet, sitt utkast och the uppsatta Balkar låtit utgå, hwilka dels wid 1731 års, dels wid 1734 års Riksdag, blifwit igenom gångne, öfwersedde, och i wissa mål och ärender ändrade och förbättrade. [цит. раб. 146]

«Мы, Фредрик и проч., сим заявляем, что, как Наши Досточтимые Предшественники, Шведские Короли, Карл IX и Густав Адольф в 1608 и 1618 годы утверждения ныне действующего Закона страны и Городского закона, провозгласили, что желают действующие законы пересмотреть и при необходимости улучшить, о чем также все сословия государства неоднократно уведомили и, тем самым, свою высочайшую волю и намерение объявили, почему и наш высокочтимый господин тесть – король Карл XI почел нужным назначить учёных и разумных мужей, кои должны написать Закон на ясном и понятном шведском языке, исключив из него то, что уже вышло из употребления либо же употребляется иначе, и ввести в него то, что было добавлено путем Законных уложений или решений Риксдага. Однако множественные препоны, трудности, войны и перемены не дали завершить сию приятную и полезную работу, прежде чем назначенные последними для ревизии Закона ученые и сведущие в законах Мужи с похвальным усердием и тщанием свои предложения [внесли] и разделы [законов] представили, часть из которых в 1731, другие в 1734 году на [заседании] Риксдага были проработаны, рассмотрены и в некоторых отношениях изменены и улучшены».

А вот выдержка из Закона 1734 года (о наследовании), отличающаяся от королевской резолюции большей простотой стиля и лаконизмом выражений: здесь преобладают сочинительные конструкции, отсутствуют сложные вставные обороты и параллельное соподчинение, из придаточных второй степени встречаются только пояснительные, связь которых с предыдущим предложением является менее жёсткой.

Nu skal arf skiftas efter man eller qwinno; gånge tå bröstarfvingar til, och the från, som äro til rygga eller å sidone i ätten. Bröstarfvingar äro the, som födas framåt i slächten, såsom son och dotter och thes barn. Till rygga i ätten äro föräldrar och förfäder. Sidoarfvingar äro the, som å en sida, eller å båda, med then döda utaf en stamm komne äro, såsom broder och syster, eller thes afkomma [цит. раб: 147].

«Вот надо разделить наследство [оставшееся] после мужа или жены; да перейдет оно к прямым наследникам, а не к старшим членам семьи или боковой ветви рода. Прямые наследники – это кровные родственники прямой нисходящей линии, такие как сын, дочь и их дети. Старшие члены семьи – это родители и родители родителей. К боковой ветви рода [принадлежат] те, кто с одной стороны или с обеих сторон с умершим из одного рода происходит, как его брат и сестра, или их дети».

Борьба за чистоту и богатство языка стала одним из основных направлений деятельности Академии Наук (учрежденной в 1739 году) и Шведской Академии (основанной в 1786 г.). В программе Шведской Академии была заявлена необходимость издания нормативного словаря и грамматики. Работа над словарем была начата, но не закончена, и после долгого перерыва

план претерпел некоторые изменения: в 1883 году было решено издать научный многотомный исторический словарь, показывающий, как лексическая система шведского языка изменилась за период со времени правления Густава Васы до современности [цит. раб.: 157]. Первый том вышел в 1898 году, завершение работы планируется в 2017 году, на сегодня издано 35 томов (последний из ныне существующих заканчивается словами на букву T) [4].

Пройдя долгий путь от средневековых дипломов до документов нашего времени, канцелярский язык сильно изменился, но его лучшие образцы отличаются спокойным, деловитым тоном изложения, объективностью и чёткостью выражений, точностью, ясностью и логичностью. Со временем язык официально-делового общения расширил область своего применения, распространившись на сферы, в которых ранее употреблялся язык, исторически не связанный с куриальной латынью и имеющий другие корни (законодательство и юриспруденция). Таким образом, нынешний язык официально-делового общения, хотя и сохраняет свою специфику, однако, благодаря языковым реформам последней трети прошлого века лишился многих черт, в своё время заимствованных шведами на континенте [5: 22].

Список литературы

1. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка (онлайн-версия) / URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 30.06.2015).
2. Bergman G. Kortfattad svensk språkhistoria, Stockholm: Prisma, 1970. 256 p.
3. Moberg L. Svenskt och tyskt i det medeltida Stockholm // Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M., Stockholm:Norstedts Akademiska förlag, 2005. Pp. 31–50.
4. SAOB (онлайн-версия) g3.spraakdata.gu.se
5. Wollin L. Munklatin och riddarsvenska // Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M., Stockholm:Norstedts Akademiska förlag, 2005. Pp. 11–31.

THE LANGUAGE OF THE LAW AND DOCUMENTS FROM THE XIV TO XVIII CENTURIES

(based on Swedish studies)

I.V. Matytsina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article focuses on the formation and development of Business Swedish from the XIV to XVIII centuries. At that period of time its dependence on a foreign source was getting weaker and weaker as a result of scholars and writers purposeful work on creating a literary language with normalized spelling and grammar, rich and flexible vocabulary.

Keywords: *officialese, legislative language, loanwords, language normalization, struggle for language purity.*

Об авторе:

МАТЫЦИНА Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ, e-mail: imatits@kmail.ru

